

Кротова Дарья Владимировна

ТВОРЧЕСТВО В. ПЕЛЕВИНА И ТРАДИЦИИ МОДЕРНИЗМА

Статья посвящена вопросу о параллелях между творчеством В. Пелевина и литературным наследием модернизма, в частности, художественными системами Л. Андреева и А. Платонова. Раскрывается общность романов Пелевина "Омон Ра", "Жизнь насекомых", "Чапаев и Пустота" с идейно-тематическим спектром творчества Андреева (тема "бездны", образ "мысли" как основы реальности). Выстраиваются аналогии между психологическим миром платоновских и пелевинских персонажей. Утверждается, что в творчестве Пелевина по-новому интерпретирован комплекс идей, осмысливаемых модернистской литературой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Поляков Ю. Грибной царь. М.: Эксмо, 2001. 360 с.
5. Рубанов А. Жизнь удалась. М.: Дом книги, 2002. 389 с.
6. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 214-224.
7. Brunettière F. L'évolution dans l'histoire de la littérature: leçons professées. Paris: Groupama, 1890. 418 p.

ON SPECIFICITY OF SEMIO-SPHERE OF THE MODERN RUSSIAN NOVEL

Komovskaya Elena Vital'evna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg State Agrarian University
Komovskaya86@mail.ru

The article examines the issues related to novel genre origin. The author analyzes the history of the problem, describes the different approaches to this subject. Relying on the works by Y. Lotman, N. G. Leites, V. Kozhinov the paper emphasizes the well-motivated necessity to study this philological category, identifies the typological nucleus of the modern novels, and describes the semio-sphere of novel texts by A. Rubanov, Y. Polyakov.

Key words and phrases: novel genre; semio-sphere; semiosis; periphery; typological nucleus; paradigm; modern novel; hyper-meaningful notion.

УДК 821.161.1

Статья посвящена вопросу о параллелях между творчеством В. Пелевина и литературным наследием модернизма, в частности, художественными системами Л. Андреева и А. Платонова. Раскрывается общность романов Пелевина «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота» с идейно-тематическим спектром творчества Андреева (тема «бездны», образ «мысли» как основы реальности). Выстраиваются аналогии между психологическим миром платоновских и пелевинских персонажей. Утверждается, что в творчестве Пелевина по-новому интерпретирован комплекс идей, осмысливаемых модернистской литературой.

Ключевые слова и фразы: современная литература; Пелевин; постмодернизм; традиция; Андреев; Платонов; модернизм.

Кротова Дарья Владимировна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
da-kro@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО В. ПЕЛЕВИНА И ТРАДИЦИИ МОДЕРНИЗМА

В сознании читателей постмодернизм как литературное направление связан прежде всего с идеей противостояния сложившимся литературным канонам. Как известно, один из важнейших принципов постмодернистского мышления – это принцип деконструкции, суть которой заключается в разрушении определенного литературного канона, ироническом переосмыслении штампов, которыми могут служить «речевые и ментальные клише» [1, с. 332], и создании новой художественной реальности за счет деформации исходной модели. Быть может, наиболее отчетливо этот принцип выражен в текстах В. Сорокина, переосмысливающего различные стилевые модели – от лирико-философской прозы конца XIX века до соцреализма. Но, помимо отрицания и разрушения канонов, для постмодернизма оказывается значима и другая грань, выраженная в продолжении традиции, тесной связи с ней. Постмодернизм – закономерное явление конца XX века, и его родство с наследием предшествующего периода литературной истории глубоко и несомненно. И если творчество Сорокина 80-90-х годов раскрывает эту связь «с обратным знаком», отрицая и деформируя определенные литературные схемы, то в произведениях ряда других авторов-постмодернистов традиция находит очевидное продолжение и развитие. К числу таких авторов относятся П. Крусанов, Т. Толстая и, конечно, В. Пелевин.

В текстах В. Пелевина очевидна связь, прежде всего, с модернистской литературной традицией. Авторы-модернисты, взаимодействие с которыми в творчестве Пелевина несомненно, – это прежде всего Л. Андреев и А. Платонов. Преемственность по отношению к этим писателям свидетельствует о том, что для Пелевина (как, впрочем, и для Т. Толстой, и для постмодернизма вообще) особенную значимость обретает экспрессионистская традиция.

Связи Пелевина с творчеством Андреева очень глубоки. Прежде всего, это комплекс идей, связанный с темой хаоса, «бездны». Андреев задается вопросом о том, что является сутью человека и движущей силой мирового процесса, и приходит к выводу, что всем управляет власть темных, иррациональных, не поддающихся контролю разума побуждений, что человеческая личность подвижна, в первую очередь, не высокими помыслами и нравственными задачами, а животными инстинктами. «Бездна», хаотическое, иррациональное начало является сутью человека и мира.

Пелевин, писатель совсем другой эпохи, продолжает размышлять о бездне, о мировом хаосе. Эта тема важна и в романе «Омон Ра», и в «Чапаеве и Пустоте», где хаотическое состояние мира и человеческой души является основным предметом исследования. Но Пелевин ставит вопрос о том, является ли «бездна» –

звериные, инстинктивные побуждения – действительной и подлинной сущностью человека? Или за ними стоит нечто еще более глубинное? В художественной системе Пелевина истинной основой мира и человека, самым «нижним слоем» этой бездны оказывается не что иное как Пустота. Говоря метафорически, Андреев, писатель рубежа XIX–XX вв., подошел к бездне и заглянул в нее, а Пелевин, писатель рубежа XX–XXI вв., пролетел бездну насквозь и увидел Пустоту вместо дна.

Безусловно, образ Пустоты в творчестве Пелевина имеет глубокие и разнородные культурные источники, среди которых и западноевропейские, и связанные с восточной философской и религиозной традицией. Но далеко не последнее место в списке этих источников должно быть отдано и русской модернистской литературе. Творчество Пелевина продолжает отечественную литературную традицию, в его текстах очевидна связь с идейным и образным миром литературы XX века.

Именно Пустота, по Пелевину, оказывается подлинной сутью всего, что происходит с человеком и в мире. Образ Пустоты, лейтмотивный для творчества Пелевина, встречается в целом ряде романов писателя, начиная с первого, «Омон Ра»: герой романа чувствует вокруг себя Пустоту и страшится ее более всего. Когда он высказывается на «Луну», он описывает свои ощущения с предсмертным страхом: «Воздух рвался из легких наружу, и я знал, что через несколько секунд выдохну его и обожженным ртом глотну пустоты» [4, с. 142]. Почти физическую тошноту вызывает у героя ощущение пустоты, когда он хватается за щиколотки Ландратова, а там, под брючинами, нет ног – а есть только тонкие палки протезов: «Когда мои пальцы сомкнулись вокруг его щиколоток, я чуть не отпустил их от тошнотворного ощущения почти полной пустоты в его сапогах» [Там же, с. 145].

От всепронизывающей Пустоты Пелевин не уходит и в своем романе 1993 года «Жизнь насекомых». Блистательно иронический, этот роман затрагивает и «вечные» темы, например, тему любви и красоты. Дном непостижимой тайны женской красоты оказывается та же Пустота, правда, здесь представленная не страшно, а сатирически: прекрасные зеленые глаза Наташи оказываются «пустыми и загадочными». И загадка, и разгадка красоты – всего лишь в пустоте.

Тема пустоты и у Андреева, и у Пелевина затрагивает еще одну сферу – это представление о тотальной пустоте человеческой жизни. Существование человека подчас лишено какого бы то ни было смысла, содержательного наполнения, жизнь человека проходит в пустоте и впустую. Именно эта идея лежит в основе рассказа Андреева «Большой шлем»: смысл жизни каждого из участников игры оказывается сведен к картам, а смерть одного из игроков вызывает у его приятеля прежде всего сожаление о том, что умерший так и не узнает о своем крупном выигрыше. Идея бессмысленности, пустоты человеческого существования развивается и в творчестве Пелевина, но сатирическое, гротесковое начало у Пелевина еще более утрировано, нежели у Андреева: в романе «Жизнь насекомых» вся человеческая жизнь уподоблена катанию жуками навозных шариков.

Наконец, Пустота становится центральной категорией в широко известном романе Пелевина, где это слово вынесено в заглавие, обозначая одновременно и фамилию героя, и, что более значимо, основную метафизическую категорию созданного романного пространства. Пустота оказывается здесь пределом любого жизненного явления. Более того, сам человек – это, в конечном счете, тоже лишь Пустота. «А как увидеть пустоту?», – спрашивает Петр. «Увидеть самого себя» [5, с. 292], – отвечает собеседник. Смысловой доминантой романа становится именно «образ этой вселенской пустоты» [1, с. 343].

Еще одна значимая точка схождения между Пелевиным и Андреевым – размышления о соотношении действительного и мыслимого. Один из ключевых вопросов Пелевина – вопрос о том, что же такое реальность, какие жизненные явления могут быть наделены статусом действительности. Об этом Пелевин размышляет уже в первом своем романе «Омон Ра». Главный герой романа приходит к выводу, что реальность целиком и полностью моделируется мыслью. Действительность – это не что иное, как наше представление о ней. Герой Пелевина в этом убедился, еще будучи ребенком, и это открытие его потрясло. В детстве он играл в летчика и понял, что его игра – это и есть настоящий полет. Потому что «полет сводится к набору ощущений, главные из которых я давно научился подделывать, сидя на чердаке... глядя на заменяющую небо военкоматовскую стену и тихо гудя ртом» [4, с. 9]. Реальность такова, какою мы ее мыслим. Этот вывод подтверждается и другими эпизодами романа: когда пелевинский герой едет в «луноходе», окруженный тьмой, он порой впадает в забытие и видит себя мальчиком, едущим на велосипеде по подмосковному шоссе в погожий июльский денек. Закрыв глаза, Омон «оказывался – насколько человек вообще может где-нибудь оказаться – на призрачном подмосковном шоссе, и несуществующие асфальт, листва и солнце перед моими закрытыми глазами делались так реальны для меня, словно я действительно мчался под уклон на своей любимой второй скорости» [Там же, с. 133]. Омон полагает, что действительно переносится в иное время и пространство благодаря сознанию. Только мысль, а не что иное, создает реальность. Сама по себе, как таковая, реальность не существует.

Во время путешествия в «луноходе» Омону приходит в голову и мысль о том, что в детстве ему только казалось, что он едет на велосипеде по шоссе, в то время как он «на самом деле катил по черной и мертвой поверхности Луны» [Там же]. В художественной системе романа это предположение героя оказывается верным, поскольку реальность – это сфера мыслимого. В художественной системе Пелевина «мир реальный – одно из проявлений иллюзии, а иллюзия, в свою очередь, есть не что иное, как вариант реального существования» [2, с. 188].

В подобных размышлениях Пелевина можно увидеть параллели с Л. Андреевым. Соотношение реально-го и мыслимого, подлинная действительность и сфера сознания – это важнейшая тема творчества Андреева. Достаточно вспомнить рассказ «Мысль», где реальность предстает воплощением игры сознания. Доктор Керженцев мысленно конструирует два образа – себя как психически больного человека и себя совершенно здорового. Обе эти конструкции «действительны», просто одна создает один вариант реальности, а другая – другой. Объективной же действительности, единственно верной – не существует. Возможно лишь представление, «мысль» о реальности.

И Андреев, и Пелевин говорят о том, что реальность – это лишь проекция сознания, но у Андреева этот принцип реализуется скорее на уровне частной жизни человека, а у Пелевина – значительно шире, на уровне жизни вообще, действительности как таковой. «И я, и весь этот мир – всего лишь чья-то мысль» [4, с. 110].

Размышления о разных «вариантах» реальности – одна из излюбленных постмодернистских тем. Есть постмодернистские тексты, будто бы напрямую «иллюстрирующие» этот принцип, например, «Чайка» Акунина, где на равных правах сосуществует целая серия «вариантов» действительности. И корни подобного подхода к осмыслению мира следует искать не в последнюю очередь в модернистской литературе, у Л. Андреева, в частности. Идею о преемственной связи с творчеством Андреева подтверждают и встречающиеся у Пелевина аллюзии на его произведения, например, в начале романа «Чапаев и Пустота»: «Мне, кстати, давно уже прихотило в голову, что русским душам суждено пересекать Стикс, когда тот замерзает, и монету получает не паромщик, а некто в сером, дающий напрокат пару коньков (разумеется, та же духовная сущность)» [5, с. 11].

Связи с модернизмом у Пелевина не исчерпываются преемственностью по отношению к творчеству Андреева. Другой автор, в диалог с которым Пелевин вступает, – это Платонов. Творчество Платонова оказало сильнейшее воздействие на литературное развитие конца XX – начала XXI века. Равно значимым платоновское влияние стало как для писателей-постмодернистов, так и для тех, кого можно считать продолжателем реалистических традиций (например, А. Варламова). У Пелевина связь с Платоновым наиболее ощутима в первом романе. Героя Пелевина, Омона Кривомазова, многое связывает с платоновскими «странниками», «искателями истины». Полет Омона на «Луну» – это тоже своего рода путешествие в поисках истины, отчасти сходное с тем, что предпринимает Саша Дванов. Непосредственная цель путешествия у платоновского и пелевинского персонажей, конечно, различна: Саша ищет место, где восторжествовал коммунизм, а Омон летит на Луну с целью водрузить там советский радиовымпел. Но при всех различиях внешнего порядка настоящая цель путешествия у Саши Дванова и Омона Кривомазова одна и та же – обретение истины (связана ли она со справедливо организованным коммунистическим обществом или с воплощением детской мечты о космосе). Обоим героям кажется, что, достигнув конечного пункта своего странствия, они обретут подлинное знание о мире. Путешествие Омона также может быть сопоставлено и со странствиями «рыцаря революции» Копенкина, который всю свою жизнь отдает служению мифической идее – приехать на могилу Розы Люксембург, выкопать Розу из земли и увезти ее «к себе в революцию» [6, с. 133]. Полет Омона – это путешествие во имя столь же мифической идеи.

Герой Пелевина и по складу личности напоминает платоновских персонажей: ему свойственно абсолютное принятие всего сущего (фраза Омона в начале романа о том, что он «испытывал омерзение к государству» [4, с. 11] вносит будто бы противоречие, но принадлежит она в большей степени не герою, а самому автору). Как и платоновские герои, Омон принимает любого человека, который оказывается рядом с ним, принимает любые перемены в своей судьбе – хотя перемены эти, в основном, недобрые и происходят по чужой воле. Даже лишившись ног, Омон не высказывает ни малейшего оттенка сожаления о случившемся, а воспринимает это как необходимый и неизбежный ход судьбы. Вспоминается Саша Дванов, который воспринимал как должное все, что происходило в его жизни: то, что его выгнали из дома приемного отца, то, что поезд, который он ведет на Разгуляево, должен врезаться в встречный, и Сашу ждет смерть, то, что гибели чудом удалось избежать. Когда Сашу вознамерилась убить банда Мрачинского, он тоже принял это как должное и даже хотел помочь убийце, Никите, застрелить его так, чтобы меньше запачкалась одежда. Как герои Платонова, пелевинский персонаж постоянно балансирует на тонкой грани между мудростью и юродством. Омон, как и герои «Чевенгура» или «Котлована», – это одновременно и «юродивый», и ребенок, который наивно спрашивает о жизни и пытается получить ответы у тех, кто «знает». А «знает» кто-то, кто дает распоряжение строить Общепролетарский Дом, «знают» те, кто посылает Омона и его товарищей «в космос». В обоих случаях затевается страшный и жестокий эксперимент, цена которого – человеческие жизни. Только Платонов искренне верит, что, быть может, так нужно, и когда-то в будущем результатом этого эксперимента станет всеобщее счастье. А Пелевин, будучи писателем другой эпохи, видит здесь только чудовищную, дьявольскую игру и надругательство над человеком.

Тема сиротства, покинутого, брошенного ребенка также связывает Пелевина и Платонова. Платоновские герои часто лишены родительского тепла, это одинокие странники, пытающиеся найти и обрести родство. Сирота Саша Дванов, не знает ни отца, ни матери Соня Мандрова и Москва Честнова, к строителям Общепролетарского Дома попадает оставшаяся сиротой девочка Настя... Омон Кривомазов – такое же одинокое дитя. Он помнит отца, но тот спился, когда Омон был школьником, а о матери у мальчика остались совсем смутные воспоминания. Воспитывала Омона тетка, которой «было все равно» [Там же, с. 27]. Но если платоновские персонажи-сироты ищут в мире связи и иногда находят их (так, Настю искренне полюбили строители Дома), то герои Пелевина остаются один на один с Пустотой.

Косвенно затрагивается на страницах романа материнская тема: неслучайно Омон, сидя в кабине лунохода, чувствует себя, «как плод в утробе» [Там же, с. 155]. Но только он должен не «родиться», а погибнуть. Ведь та идея, которой он должен служить, по мысли автора романа, несет не жизнь, а смерть. Точно так же и в «Котловане» Платонова сам котлован мыслится строителями как «маточное место» [7, с. 598] для новой, счастливой жизни всех пролетариев, а становится могилой.

Постмодернистскому сознанию близко платоновское смешение реальности и фантастики, гротесково-сатирические образы (один из самых ярких примеров – образ медведя-молотобойца из «Котлована»), физиологичность, свойственная платоновским описаниям. Кроме того, среди приемов, с помощью которых осуществляется деконструкция у постмодернистов, можно встретить и те, что Платоновым уже использовались. Так, один из приемов деконструкции, характерных для Пелевина, – реализованная метафора. Вообще этот прием нередко встречается в литературе, к нему обращаются писатели и поэты самых разных эпох

и направлений. Но Платонова и Пелевина объединяет то, что в их текстах реализованная метафора нередко выступает именно как средство деконструирования. С ее помощью разрушаются определенные социалистические штампы, клише, свойственные советской ментальности.

В романе «Омон Ра» автор обращается к этому приему неоднократно: например, обещание начальства сделать «настоящих людей» из курсантов летного училища имени Алексея Маресьева оборачивается тем, что им ампутуют ноги. Метафора, связанная с образом «настоящего человека», получила чудовищное натуралистическое воплощение. Этот же прием читатель встречает у Платонова: например, чевенгурцы буквально воплощают в жизнь лозунг «ликвидировать буржуазию как класс», убивая всех «буржуев» и «кулаков», живущих в селе. О принципе деконструкции по отношению к творчеству Платонова можно говорить лишь условно, поскольку этот термин относится именно к постмодернистской идейно-эстетической системе, но отдельные элементы «деконструкции» в его произведениях обнаруживаются. И в «Котловане», и в «Чевенгуре» можно увидеть деконструирование, разрушение социалистических представлений о действительности, и осуществляется оно нередко именно при помощи приема реализованной метафоры. Хотя «деконструкция» у Платонова – это лишь одна из содержательных граней объемного и необычайно сложного художественного целого.

В. Пелевин – один из самых интересных авторов-постмодернистов, поскольку оригинальность и новаторские черты художественного мышления сочетаются у него с глубокими литературными корнями и ощущением преемственности по отношению к лучшим традициям русской литературы.

Список литературы

1. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века. М.: Юрайт, 2016. 372 с.
2. Коваленко А. Г. Мир игры и игра мирами В. Пелевина // История русской литературы XX – начала XXI века / сост. и науч. ред. В. И. Коровин. М.: Владос, 2014. Ч. III. 1991-2010 годы. С. 187-193.
3. Пелевин В. Жизнь насекомых. М.: Э, 2016. 288 с.
4. Пелевин В. Омон Ра. М.: Э, 2015. 160 с.
5. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 2000. 414 с.
6. Платонов А. Чевенгур. М.: АСТ, 2004. 397 с.
7. Проскурина Е. Мистериальные аспекты поэтики повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова. М.: Наследие, 2000. Вып. 4. С. 591-599.

V. PELEVIN'S CREATIVE WORK AND MODERNISM TRADITIONS

Krotova Dar'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
da-kro@yandex.ru

The article focuses on parallels between V. Pelevin's creative work and literary heritage of modernism, in particular, artistic systems developed by L. Andreyev and A. Platonov. The paper reveals the common nature of Pelevin's novels "Omon Ra", "The Life of Insects", "Chapayev and Void" and the ideological-thematic spectrum of Andreyev's creative work (the theme of "abyss", the image of "thought" as the basis of the reality). The author shows an analogy between the psychological worlds of Platonov's and Pelevin's characters. It is stated that in Pelevin's works a set of ideas considered by modernist literature is interpreted in a new way.

Key words and phrases: modern literature; Pelevin; postmodernism; tradition; Andreyev; Platonov; modernism.

УДК 316.77

Во Вьетнаме в настоящее время активным образом осуществляется процесс перехода к рыночной экономике, одновременно происходит социально-экономическая реформа, которая называется «периодом обновления». Важную роль в этих преобразованиях играет система средств массовой информации республики. Государство ставит перед журналистами серьезные задачи, реализация которых требует особой ответственности от каждого издания и каждого работника СМИ. Компартия определила основные сферы этой ответственности, исходя из специфики функций вьетнамской журналистики.

Ключевые слова и фразы: средства массовой информации; журналистика; общество; ответственность; идеология; культура.

Нгуен Ван Тхьеу

Российский университет дружбы народов, г. Москва
nguyenthieu1990@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЬЕТНАМСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В 20-е годы прошлого века в колониальном Вьетнаме были созданы первые газеты. Почти все тогдашние издатели серьезно заботились о превращении прессы в народную трибуну, журналисты и внештатные авторы